

УДК 159.9

ПСИХОЛОГИЯ СОСТОЯНИЙ И ПСИХОЛОГИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

А.О. Прохоров, А.Н. Кимберг

Аннотация

В статье обсуждается связь между конструктами «психическое состояние» и «идентичность». Теоретически показана близость этих конструктов по характеру функционирования: и психическому состоянию, и идентичности свойственны такие признаки, как целостность, процессуальность, наличие разных уровней осознания, ситуативность. Оба конструкта описывают разные аспекты одной функциональной регулятивной системы «человек – мир», что позволяет сочетать использование эмпирических данных двух исследовательских перспектив.

Ключевые слова: психическое состояние, идентичность, система «человек – мир».

В настоящее время в психологии наблюдается увеличение количества исследований, находящихся на пересечении двух и даже более областей психологической науки. Этот процесс отражает рост стремления исследователей к целостному объяснению и пониманию человека. Хотя и не часто вслух говорится о том, что психология теряет человека как такового, сконцентрировавшись на изучении отдельных процессов и механизмов человеческой психики, эта проблема осознается психологическим сообществом и беспокоит его. Этим можно объяснить усилившийся в последние десятилетия интерес исследователей к интегральным регулятивным личностным образованиям, обеспечивающим целостный ответ человека на вызовы среды.

Обращаясь к моделям интегральных регулятивных образований (интегральным функциональным системам), мы сталкиваемся с ситуацией, когда в формировании целостного ответа человека на его текущие отношения с миром участвуют практически все его психологические функции. Представляется, что работа больших функциональных систем основана на единой феноменологии поведения и на одних и тех же более частных подсистемах регуляции, которым интегральные функциональные системы задают собственную конфигурацию. Таким образом, интегральные функциональные системы работают не изолированно, а в тесном взаимодействии друг с другом.

Это означает, что многие реализуемые человеком акты могут выступать для исследователя в качестве явлений из сферы как одного теоретического конструкта, так и второго, и третьего. Иными словами, исследуя жизнь человека и его поведение в конкретной ситуации, разные ученые концентрируют свое внимание на разных аспектах его психической жизни: это и состояние, и актуальная

идентичность, и система отношений, и личность. Речь идет об одном и том же потоке человеческого бытия, но важно удерживать аспект, в котором исследователь рассматривает онтологически единый объект.

Следует еще раз напомнить, что в психологии мы работаем с теоретическими моделями, соотносимыми с целостным потоком жизни человека, социальных сообществ и общества в целом. Перед нами, по точному выражению Д.А. Леонтьева, «не онтологическая картина, а рабочая схема, которая обслуживает определенный круг конкретных задач» [1, с. 145]. Эти схемы, или модели, могут быть более или менее удачны, но они остаются моделями. Между тем часто исследователь использует для моделирования какой-либо области действительности понятийный аппарат с теоретическими конструктами разной степени онтологической референтности: за одними из них с большой вероятностью находится нечто онтологическое с устойчивыми характеристиками и собственной стабильностью, другие же представляют собой введенные для упорядочения теоретической модели языковые конструкты с неопределенными или противоречивыми референтами. Но для пользователя теоретической модели со временем в силу привычки эти теоретические конструкты начинают выглядеть совершенно равноправными, что приводит к приписыванию этим конструктам онтологического статуса. В исследовательском аппарате как кандидатских диссертаций, так и монографий вполне можно встретить такие выражения, как «самосознание личности руководителя», «личность имеет гендер», некий аспект сознания «связывает личность и сознание» и т. п.

Об опасности онтологизации психологических понятий предупреждал еще С.Л. Рубинштейн, который предчувствовал опасность овеществления психологической категории «личность», неоднократно подчеркивая, что онтологической реальностью, стоящей за этим конструктом, является человек: «Человеческая личность, то есть объективная реальность, обозначаемая понятием *личность*, которая выступает в этом качестве, – это, в конце концов, реальный индивид, живой действующий человек» [2, с. 272]. Являться предметом исследования ученых должны не теоретические конструкты с размытыми онтологическими референтами, а именно человек, преобразующий мир и осознающий себя как преобразователь, деятельный человек, ограниченный и определенный телесностью.

В своих рассуждениях мы опирались на следующие представления: а) обсуждаемые нами теоретические модели суть познавательные конструкции, более или менее адекватно отображающие отношения между системами саморегуляции личности; б) различные аспекты наблюдения того или иного феномена закономерно дают нам различные картины его внутренних связей. Поэтому разумным представляется обсуждение сходств и различий представлений об организации интегральных регулятивных личностных образований, описывающих с разных ракурсов одну и ту же феноменологию.

Рассмотрим две большие исследовательские традиции: 1) психологию состояний, разрабатываемую такими отечественными исследователями, как Б.А. Вяткин, Г.Ш. Габдреева, Л.Г. Дикая, Е.П. Ильин, А.Б. Леонова, Л.В. Куликов, Н.Д. Левитов, В.Л. Маришук, Э.Л. Носенко, А.О. Прохоров, Н.П. Фетискин, Ю.Л. Ханнин и др., и 2) психологию идентичности (Identity Studies), сложившуюся в мировой психологии в отдельное, достаточно мощно развивающееся направление.

Представители обоих подходов сходятся во мнении, что объяснительные модели поведения строятся на предположении о наличии особой регулятивной системы, управляющей практически всеми психологическими процессами и свойствами человека. На наш взгляд, эти подходы могут использоваться для исследования одной «карты реальности» и применяться пользователем (исследователем-теоретиком, практическим психологом или студентом, изучающим психологию) одновременно. Более того, сочетание подходов в некоторых случаях может быть даже полезно, поскольку их объединяют схожие проблемы и пути решения этих проблем, а объяснительные области этих отраслей психологии частично перекрываются.

Начало исследованиям идентичности было положено в работах Эрика Эриксона, опубликованных в 60-е годы XX века. В этом направлении работали также Дж. Марсиа, А. Ватерман, М. Берзонски, а с некоторым расширением предмета исследования к числу ученых, занимавшихся проблемой идентичности, можно отнести Х. Маркус, Дж. Адамса и др. Основная проблема исследовательского поля – определение того, в какой форме и какими способами «Я» человека выступает инструментом организации его активности в мире, оставаясь при этом одной из самодостаточных ценностей – целью этой активности. В отличие от традиционной психологии исследования идентичности предполагают внимание к миру человека, задающему условия, обстоятельства и предлагающему цели активности. Сам конструкт идентичности при его создании позиционировался Э. Эриксоном как пограничный, охватывающий, с одной стороны, «внутреннее» личности, а с другой – «социальное» мира и связывающий их между собой. «Я» постулируется как инструмент, используемый человеком при решении жизненных задач, при том что уровень рефлексивности его активности может быть весьма различен.

Э. Эриксон обозначил несколько аспектов, или форм, в которых проявляется идентичность человека в различные моменты жизни: 1) *переживаемое субъектом чувство* индивидуальной идентичности – «субъективное вдохновенное ощущение тождества и целостности» [3, с. 28]; 2) *процесс* последовательного и непрерывного *выстраивания и поддержания* личностного характера (*прежде всего в ситуации выбора*); 3) результат «молчаливого синтеза эго» – *мало осознанные фундаментальные представления субъекта о себе*; 4) процесс и результат возникновения *внутренней солидарности с групповыми идеалами и идентичностями* [4, р. 109–110] (курсив наш. – А.К., А.П.).

Идентичность – многоаспектный феномен. Развиваемое нами его понимание дополняет традицию Э. Эриксона более пристальным вниманием к структуре отношений человека с миром [5]. С нашей точки зрения, идентичность понимается исследователем как «осознаваемая в определенной степени упорядоченность отношений субъекта к различным областям или сферам его мира», «рефлексируемое субъектом движение к определенности по отношению к какому-то кругу возможностей». Для самого же субъекта идентичность открывается как «текущее, во многом телесное переживание, облеченное в социально-средовую форму... настоящее, разворачивающееся “здесь и сейчас”» [6, с. 51].

Исследования психических состояний в их современном понимании ведутся с середины XX в., а первым серьезным трудом, положившим начало изучению

этой проблемы, можно считать монографию Н.Д. Левитова «О психических состояниях человека» (1964 г.). Е.П. Ильин предложил рассматривать состояние как целостную характеристику психической деятельности человека, целостную системную реакцию человека на внешние и внутренние воздействия [7]. Основной проблемой данного направления в психологии является описание и концептуализация процесса формирования целостного ответа человека в определенной ситуации (от организмического до личностно-смыслового уровня). Внешний мир (ситуация) порождает непрерывные ответы человека, результирующиеся как психические состояния: «психическое состояние, связанное с образом субъективной ситуации, является актуальным состоянием психики субъекта» [8, с. 11]. Согласно общей концепции психических состояний, разрабатываемой одним из авторов статьи (А.О. Прохоровым), состояния связывают, «с одной стороны, особенности среды (ситуации, предметная деятельность, социальное функционирование и др.), а с другой – психические процессы и психологические свойства, образуя соответствующие функциональные структуры» [9, с. 176]. Уровень осознания человеком своего актуального состояния может быть различным и зависит от опыта субъекта в создании кодов для обозначения переживаемых состояний.

И психическое состояние, и идентичность являются функциональными регулятивными системами, связывающими человека с миром. Рассмотрим их характеристики подробнее, обращая внимание на сходства и различия.

Целостность

Психическое состояние целостно, в каждый момент времени оно захватывает человека полностью. Невозможно представить человека, одномоментно переживающего несколько различающихся состояний (об амбивалентных чувствах речь не идет: соединение нескольких тенденций дает уже новое качество переживания).

Идентичность также тяготеет к целостности. Однако поскольку она представляет собой актуальную совокупность отношений человека с миром, то ее отношение к целостности сложнее. Из множества доступных и имеющих место отношений с миром человек выделяет определенный аспект, то, что составляет фокус его внимания и организует его активность. Это можно назвать частной, или «рабочей» (Х. Маркус), идентичностью.

Частная идентичность актуализируется при включении человека в разные области социально-культурной деятельности («поля» в терминологии П. Бурдье). Для каждой области характерны свои особые практики, способы преобразования мира, критерии успешности и иерархия статусных позиций действующих лиц, идеология и мироописание. Операционально частная идентичность может рассматриваться как перечень «открытых» субъекту определенных личностных и субъектных качеств и способностей и обеспечивающих их ресурсов. Актуальная идентичность объединяет эти качества в определенную целостность, которая символически отражена в некотором презентуемом себе и другим образе. Далее она организует ресурсы субъекта, которые упорядочиваются таким образом, чтобы обеспечить преобразовательную активность в данном социальном поле. Итак, частная идентичность может пониматься как актуальная идентичность

субъекта, актуализирующаяся при попадании или переходе в ситуацию, принадлежащую определенному социальному полю.

В каждый момент времени частная идентичность, как и состояние, целостна и захватывает всю актуально действующую личность. Но поскольку отношение к миру всегда переживается под влиянием образов предметов мира, то идентичность личности меняет модус достаточно просто: человек может говорить о своей (и мы с позиции наблюдателя можем легко вести речь о его) этнической, гендерной, профессиональной, научной, религиозной и других видах идентичности. Одна идентичность сменяет другую или же один аспект идентичности сменяет другой? Это не так важно, главным является тот факт, что сдвиг фокуса внимания человека или изменение ситуации его активности (который этот сдвиг и вызывает) порождает для субъекта новую конфигурацию системы «Я – мир». Идентичность, таким образом, так же целостна, как и состояние, но ее изменение гораздо сильнее связано с социальным миром, чем изменение состояния. Услышанная случайно шутка этнофоба актуализирует этническую идентичность услышавшего ее, ситуация, типичная для профессиональной деятельности субъекта, актуализирует его профессиональную идентичность и т. д.

Мы видим, следовательно, что и состояние, и идентичность представляют собой целостные модусы бытия субъекта, но состояние гораздо ближе к физиологической основе функционирования человека и поэтому оно: а) более целостно; б) ощутимо инерционно. В определенном смысле состояние для человека – это первая реальность, а идентичность – вторая.

Процессуальность

Идентичность процессуальна: она есть процесс постоянного определения человеком себя по отношению к отдельным областям мира и к миру в целом. В то же время в каждый момент времени, когда человек совершает действие или задает себе рефлексивный вопрос, она определена и целостна. Диалектика процесса изменчивости и целостности человека, наблюдаемая в момент выбора действия, составляет основное содержание проблемы идентичности. Относительная самостоятельность «рабочей» идентичности (Х. Маркус) достигается тем, что переоценка системы отношений субъекта с миром ведется не ежемоментно. Она начинается в определенный период, когда существенно меняется ситуация, в которой разворачивается активность, или когда в субъективной реальности человека накапливается ряд несоответствий в оценках и прогнозах. Если такая переоценка связана с трудностями изменения самооценки или требует действий по ее защите, если для нее необходим поиск новой информации и проверка гипотез или разработка новой модели ситуации и субъекта в ней, то она может вызвать кризис идентичности. В иных случаях процесс уточнения модели «себя в ситуации» не всегда до конца осознается субъектом и не требует длительной рефлексии. Идентичность меняется содержательно как с изменением актуальной конфигурации системы отношений в связи с перемещением из одной области социальной реальности в другую, так и в связи с движением во времени.

Состояние также процессуально, его можно рассматривать как динамичный процесс, проходящий через ряд фаз [7]. А.Б. Леонова констатирует, что «в каждый момент времени человек переживает некоторое «особое» состояние,

возникающее под воздействием множества устойчивых и ситуативных факторов» [10, с. 347]. Однако наряду с изменчивостью и пластичностью состояние достаточно долго может сохранять качественную определенность. Так, исследования одного из авторов статьи (А.О. Прохорова) позволили эмпирически выделить наряду с кратко- и среднесрочными также и длительные состояния, составляющие до 20% из всей совокупности заявленных испытуемыми состояний. Причинами долгосрочных состояний (в отличие от текущих) выступают не столько отдельные ситуации и события, сколько совокупность ситуаций, в которых проявляется «отношение субъекта деятельности к обстоятельствам жизни, в которых реализуются цели и задачи жизнедеятельности, связанные с образом жизни субъекта» [11, с. 163].

Перед исследователями состояний и исследователями идентичности стоит одна и та же проблема: как выделять относительно оформленные и имеющие собственный смысл модусы состояний и качественно различающиеся системы идентичности, связанные с процессами переживания и рефлексии субъекта в потоке состояний и отношений? Отсутствие осмысления своей идентичности ведет человека к нерефлексивному бытию, что хотя и может быть оценено позитивно с точки зрения некоторых восточных учений, но практически снимает вопрос о возможностях самоорганизации и самоуправления человека. Возможное решение проблемы состоит в том, чтобы научить человека различать и описывать свои состояния, рассказывать о своих выборах, ценностях и позициях. Это может потребовать специально организованного обучения, отсутствие которого в некоторых случаях приводит к несформированности механизмов самоорганизации, отсутствию осмысленного переживания себя, своих желаний и стремлений, отсутствию ясных целей и ориентиров в жизни, что становится серьезной проблемой для новых поколений молодежи как в России, так и во многих развитых странах.

Многоуровневость осознания

Состояние может быть отрефлексовано. Оно довольно четко рефлексивно отделимо от «Я», наблюдению и попыткам регулятивных действий со стороны которого оно в принципе доступно. Человек переживает данное состояние, но им не является. Мало того, он знает, что оно пройдет, и может только либо сожалеть об этом (если переживаемое состояние доставляет положительные эмоции), либо радоваться этому (если состояние неприятно).

Аналогично и идентичность может в определенный момент презентироваться интенциональному «Я» (I по У. Джемсу) и принять форму представления о себе (Я-концепции или репрезентации «селф»). Зачастую исследователи пытаются выявить и зафиксировать идентичность, находящуюся в этом состоянии, не вполне отдавая себе отчет в том, что вопросы интервью или опросника *Кто Вы такой?* или *Что Вы выбираете для себя?* автоматически актуализируют идентичность в форме когнитивной репрезентации, рефлексивно «прочитываемой» личностью. В связи с этим часто возникают попытки рассматривать конструкты идентичности и «селф» в качестве рядоположенных: «личность имеет идентичность» и т. п. Между тем рефлексивное осознание себя человеком, находящимся на пересечении ряда отношений и обладающим рядом личностных

свойств, не говоря уже о мотивах и намерениях, – это, скорее, нетипичное состояние человека. Намного чаще встречается функционирование идентичности на гораздо менее осознанном уровне.

Состояние, как и идентичность, равно доступно наблюдающему, или интенциональному, «Я» человека. Означивание состояний (обучение субъекта выделению признаков состояний, распознаванию своих состояний и обозначению их соответствующими наименованиями) ведет к более дифференцированному переживанию их личностью и дает ей возможность выстраивать способы управления ими. Появляется *образ состояния* [8], который по статусу очень близок к пониманию идентичности как репрезентации «селф» в когнитивистских теориях.

Основной вопрос, возникающий при изучении образа состояний, заключается в том, как осознающему «Я» различать сам феномен и его репрезентацию. При традиционном подходе к решению этой проблемы осознаваемая регулятивная активность понимается как эпифеномен неких детерминистских процессов принятия поведенческих решений. Классическую версию этого подхода излагают Х. Маркус и Э. Вурф в обзорной статье 1987 г.: «Селф-концепт... есть только один из многочисленных факторов, таких как культура, социальное окружение, индивидуальные потребности или уровни напряжения, а также не относящиеся к «селф» когниции, которые могут прямо влиять на поведение» [12, р. 307]. Личность (в тексте Х. Маркус она тождественна термину «селф») осуществляет важнейшую роль в организации жизни человека, но далеко не без оговорок. «В ряде случаев личность намеревается регулировать свое поведение, и она способна делать это так эффективно, что все фазы саморегуляции протекают естественно одна за другой. Иногда, напротив, личность намеревается регулировать свое поведение, но не может это сделать. Она не может решить, какую из имеющихся целей выбрать, она продолжает путаться в своих целях, вместо того чтобы действовать для их достижения, у нее отсутствует подходящее процедурное знание, и она не знает, что делать, или она пытается действовать, но снова и снова терпит неудачу», – так образно описывает Х. Маркус проблему участия «селф» в саморегуляции [12, р. 312]. В организации процесса саморегуляции важным элементом является участие личностных уровней регуляции, однако природа и эффект включенности последних в данный процесс еще недостаточно ясны.

Довольно удачное решение проблемы участия в регуляции жизни человека социального и психологического, сознательного и бессознательного было предложено Пьером Бурдые, который сформулировал представления о практическом знании – габитусе, «интенции без интенции», интуитивно действующем принципе порождения социального действия, «чувстве игры» и т. д. По Бурдые, существует две принципиальные логики, которыми человек может руководствоваться в разных сферах деятельности: посредством применения практического или рефлексивного знания. Практическое знание соотносится с «чувством игры» в жизненной ситуации, тогда как рефлексивное знание следует рассматривать как развитие практического знания от автоматизированной и привычной практики жизни к более осозанным и оценочным отношениям личности («селф») индивида к контексту его бытия. Если практическое знание развивается в результате повторяющейся практики и нарастающего опыта, то рефлексивное

знание, по мнению П. Бурдые, представляет собой продукт обучения и может быть сознательно включено в практику на разных ее уровнях [13, p. 256].

Существуют две формы понимания мира: практическая, выражающаяся в адекватном действии, и рефлексивная, которая раскрывается в моделях, складывающихся в поле осознания. И в той и в другой форме субъект, осуществляя взаимодействие с миром, исходит из знания о себе. Практическое знание уже не является чисто когнитивным феноменом, поскольку оно глубоко погружено в ткань действия и существует в действии или следах действия. Само-эффективность (или эффективность «селф»), по словам Альберта Бандуры, определяется как убежденность человека в том, что он решит возникшие перед ним задачи. Основой человеческой субъектности, согласно представлениям А. Бандуры, является чувство само-эффективности, и он очень убедительно аргументирует это: «Среди механизмов осуществления человеческой деятельности нет ни одного столь значимого и всеобъемлющего, как вера человека в свою личностную эффективность. <...> Пока люди не поверят в то, что своими действиями они могут добиться желаемого результата, у них будет низкий стимул действовать и преодолевать трудности. Какие бы факторы ни выступали мотиваторами, в основе их будет лежать базовая вера человека в свою способность изменить что-либо своими действиями» [14, p. 28].

Различие между практическим и рефлексивным знанием о себе позволяет вести исследования так называемых осознаваемых и неосознаваемых репрезентаций «селф». Отмечается, что: 1) репрезентации «селф» одинаково хорошо функционируют как в семантических, так и в чувственных кодах; 2) они имеют вполне определенный аффективный заряд; 3) репрезентации «селф» содержат аспект «Я в отношениях/во взаимодействии с другими»: любое личностное качество или черта являются обозначением некоторого устойчивого способа взаимодействия с другими людьми; 4) репрезентации «селф» содержат осознаваемые и неосознаваемые компоненты, которые необязательно конгруэнтны; 5) «селф» может иметь различные, в том числе и противоречивые, репрезентации, что создает напряжение и конфликт между ними [15].

Ситуативность

Идентичность, так же как и состояние, задается ответом человека на ситуацию. Возможности, требования и ограничения ситуации актуализируют в сознании человека те его представления о мире, ценностях, отношениях и способах решения задач, которые необходимы для ориентирования в ситуации и осуществления потенциальных или реальных действий в ней. Наличие в системах саморегуляции знаний о себе, существующих относительно возможного круга проблем, – одна из возможных версий понимания идентичности. Именно таким образом мы выделяем различные виды идентичности, связанные с различными областями активности человека.

Как в «каждый момент времени человек переживает некоторое «особое» состояние, возникающее под воздействием множества устойчивых и ситуативных факторов» [10, с. 347], так и в каждый момент времени человек имеет доступ к той системе отношений с сущностями мира, которой он с ними связан. Идентичность может быть концептуализирована как психологическое отображение

субъектом совокупности отношений, которые он имеет в конкретной позиции внутри системы связей текущей ситуации. Мы видим, что состояние, как и идентичность, отображает характеристики взаимодействия человека и ситуации: «в ситуации «выделяется» не весь объективный мир, а лишь та его часть, которая удовлетворяет смысловую сферу субъекта. Отражением этой значимости ситуации и ее составляющих является возникающее психическое состояние» [8, с. 7].

Итак, состояние, как и идентичность, – это целостный ответ человека на развивающуюся ситуацию его жизни, на частный или общий контекст его бытия. Вместе с тем эти конструкты различаются: состояние связано преимущественно с эмоциональными процессами и организацией физиологического функционирования, а идентичность в гораздо большей степени ориентирована на взаимодействие с внешним миром и отображает совокупность отношений субъекта (реальных и потенциальных) с организованной социальной средой.

И идентичность, и состояние основаны на отношениях с миром, актуальных для субъекта. Определяя отношение, мы рассматриваем его вслед за В.Н. Мясищевым как отображение субъектом своей потенциальной связи с предметом или сущностью мира [16]. В большинстве случаев эта связь может быть представлена как совокупность возможных в будущем взаимодействий субъекта с предметом отношения, выбор вероятного варианта поведения и переживание ожидаемого состояния. Эмоциональная компонента отношения, которая прежде всего и осознается человеком как «отношение», может быть определена тогда как оценочное переживание возможного состояния. В представленной модели идентичности предвосхищаемое состояние, связанное с предметом, выступает решающим критерием определения отношения к нему.

Таким образом, мы получаем в отношении развернутый механизм субъективного оценивания мира через обращение человека к себе как «мере всех вещей». Идентичность же представляется субъекту в виде специфических переживаний, образов и умозаключений как совокупность его актуальных в данный момент времени отношений с сущностями мира.

Смысловая регуляция состояний, которая в настоящее время считается очевидным и теоретически развернутым феноменом [8, 9], еще более сближает два обсуждаемых регулятивных механизма (или, точнее, наши представления о них). Представляется, что действует одна и та же система «человек – мир», в которой функционируют различные контуры регуляции. Они частично автономны и могут выступать перед осознающим «Я» как силы или тенденции, которые приходится учитывать: человек может понимать, что находится в состоянии депрессии, хотя ему гораздо сложнее осознать, что он переживает состояние эйфории. Вместе с тем все контуры регуляции могут проявлять себя в различных формах в сознании субъекта как высшем эволюционном поле самоорганизации. Представляя собой высказывания об одном и том же – отношениях субъекта и мира, – они различаются по фокусу преобладающих кодов: переживания телесных ощущений (необходимый код психических состояний) или репрезентации образов (на более обобщенном уровне знаков и понятий), моделирующих смыслы бытия человека.

Скорее всего, мы имеем дело с одним и тем же процессом самоорганизации субъекта, направленным на решение его жизненных задач, различными способами открывающимся интенциональному (наблюдающему) «Я» человека. Преобразование мира требует преобразования себя, что и происходит в изменениях психических состояний, характера актуальной идентичности, выделения значимых элементов ситуации, выбора стратегий и способов действия, управления мотивацией и самой практикой инструментально оснащенной активности.

Субъект использует различные инструменты для решения жизненных задач и сам становится таким инструментом, создавая ту конфигурацию идентичности и состояния, которая определяет в итоге успешность его ответа на вызовы мира. Понятно, что эти инструменты, как и сам субъект, могут значительно варьировать по степени своей адекватности и эффективности. Хорошая и отчетливая теория субъекта, интегрирующая представления об известных регулятивных механизмах, может способствовать достижению большей успешности и осмысленности его жизни. Перефразируя известную сентенцию о практической хорошей теории, скажем: «Нет ничего более организующего для субъекта, чем знание о том, как он организован». Задача построения такого знания представляется нам важной сферой приложения сил психологического сообщества.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 10-06-00074а).

Summary

A.O. Prokhorov, A.N. Kimberg. The Psychology of State and the Psychology of Identity.

The article discusses the relation between “mental state” and “identity” constructs. A similarity in functioning of these constructs is theoretically shown. Such characteristics as integrity, continuity, different levels of awareness, situational determinacy are peculiar to both mental state and identity. Both constructs describe different aspects of one and the same “person – world” functional regulatory system, which makes it possible to combine the use of empirical data of the two research perspectives.

Key words: mental state, identity, “person – world” system.

Литература

1. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – М.: Смысл, 2003. – 486 с.
2. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. – СПб.: Питер, 2003. – 508 с.
3. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Пер. с англ.; общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. – М.: Прогресс, 1996. – 342 с.
4. Erikson E.H. Identity and the life cycle: A reissue. – N. Y.: Norton, 1980. – 206 p.
5. Кимберг А.Н. О возможности применения категории «отношение» в концепциях идентичности // Личность и бытие: теория и методология / Под ред. З.И. Рябикиной, А.Н. Кимберга. – Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та, 2003. – С. 32–47.
6. Кимберг А.Н. Проблема идентичности и субъектный подход // Психология личности и ее бытия: теория, исследования, практика / Под ред. З.И. Рябикиной, А.Н. Кимберга, С.Д. Некрасова. – Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та, 2005. – С. 47–75.
7. Ильин Е.П. Психофизиология состояний человека. – СПб.: Питер, 2005. – 412 с.

8. Прохоров А.О. Смысловая регуляция психических состояний // Психол. журн. – 2009. – Т. 30, № 2. – С. 5–18.
9. Прохоров А.О. Рефлексивный и бытийный слои психического состояния // Вестн. РГНФ. – 2009. – № 3 (56). – С. 175–186.
10. Леонова А.Б. Психологические механизмы саморегуляции функциональных состояний человека // Субъект и личность в психологии саморегуляции / Под ред. В.И. Моросановой. – М.; Ставрополь: Изд-во ПИ РАО, СевКавГТУ, 2007. – С. 345–369.
11. Прохоров А.О. Временной контекст психических состояний // Личность как субъект организации времени своей жизни. – Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2008. – С. 160–164.
12. Markus H., Wurf E. The dynamic Self-concept: social psychological perspective // Annu. Rev. Psychol. – 1987. – No 38. – P. 299–337.
13. Schirato T., Webb J. Bourdieu's Notion of Reflexive Knowledge // Social Semiotics. – 2002. – V. 12, No 3. – P. 256–268.
14. Bandura A. Social cognitive theory: an agentic perspective // Asian J. Soc. Psychol. – 1999. – No 2. – P. 21–41.
15. Westen D. The Cognitive Self and the Psychoanalytic Self: Can We Put Our Selves Together // Psychol. Inquiry. – 1992. – V. 3, No 1. – P. 1–13.
16. Мясущев В.Н. Психология отношений. – М.; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. – 356 с.

Поступила в редакцию
11.05.10

Прохоров Александр Октабринович – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей психологии Казанского (Приволжского) федерального университета.

E-mail: ALProkhor@gmail.com

Кимберг Александр Николаевич – кандидат психологических наук, заведующий кафедрой социальной психологии и социологии управления Кубанского государственного университета, г. Краснодар.

E-mail: akimberg@gmail.com